

Прасковья — Параша

© О. Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья, представляющая собой третью часть материала об истории существования в русской поэзии трех взаимосвязанных имен — *Прасковья*, *Полина*, *Параша*, посвящена имени *Параша*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, семантический ореол имени, *Прасковья*, *Параша*.

The article being the second part of the material concerning the existence of three interrelated names (*Praskovyia*, *Pauline*, *Parasha*) in Russian poetry, is dedicated to *Parasha*.

Key words: female Names in Russian Poetry, Name Semantisc, *Praskovyia*, *Parasha*.

Имя *Параша* формально является вторичным, уменьшительным от основного — *Прасковья* [1], однако поэзия наделяет его набором собственных семантических черт, позволяющих посвятить ему отдельную статью.

В поэзии 2-й половины XVIII века имя встречается часто и связано с семантикой радости, юности, резвости, естественности. *Параша* — всегда движение, часто пляска. Ключевой текст здесь — стихотворение И.И. Дмитриева 1795 года с припевом: «Пой, скачи, кружись, *Параша!* / Руки в боки подпирай! / Мчись в веселии, жизнь наша! / Ай, ай, ай, жги! припевай...». Параллели с василечком и соловьиным пением не случайны: «Мил, любезен василечек — / Рви, доколе он цветет; / Солнце зайдет, и цветочек... / Ах! увянет, опадет!.. / Соловей не умолкает, / Свищет с утра до утра; / Другу милому, он знает, / Петь одна в году пора...». *Парашина* юность столь же краткосрочна.

Скачущая, пляшущая *Параша* — эмблема быстротечной юности, беззаботного веселья. Поэзия XVIII века советует веселиться и пользоваться благами юности, не задумываясь о завтрашнем дне: «Кто, быв молод, не смеялся, / Не плясал и не певал, / Тот ничем не наслаждался; / В жизни не жил, а дышал...».

У Державина тот же мотив: «Белокурая *Параша*, / Сребророзова лицом, / Коей мало в свете краше / Взором, сердцем и умом...» (1798).

«Белокурая Параша», за которой «Амур летит», — это родственница жены поэта, Прасковья Михайловна Бакунина. Чтобы войти в поэзию в образе юной красавицы, Прасковье нужно превратиться в Парашу.

Поэзия XIX века, оставив Параше ее резвость и молодость, добавит и новые, не всегда не столь светлые, коннотации, продиктованные самой жизнью.

В истории России на рубеже XVIII—XIX веков были две молодые женщины, чья необычная судьба оказала влияние на развитие семантики имени *Параша*.

Первая героиня — Параша Жемчугова, выдающаяся актриса и певица, украшение шереметевского театра. В памяти народа ее история осталась в двух строчках: «Ты родилась крестьянкой, / Завтра будешь госпожа...» из популярнейшей песни «Вечер поздно из лесочку...», где рассказывается о встрече в лесу барина и крепостной крестьянки, ставшей впоследствии его женой. В народном сознании песня зовется «Песней Параша» или «Песней про Парашу» и существует во множестве вариантов. В одной из самых известных версий песня заканчивается так: «У Успенского собору / В большой колокол звонят. / Нашу милую Парашу / Венчать с барином хотят». Граф Шереметев был категорически против издания текста песни; впервые опубликована она была в 1818 году — после смерти графа и Параша.

Среди возможных авторов песни называют и Парашу. В сборнике народных поэтов, где опубликовано стихотворение, автора обозначили полным именем: «Прасковья Ивановна Кузнецова-Горбунова» [2]. Песня воспринималась как достоверный источник биографии Параша [3]. Пушкинская «Барышня-крестьянка» — своеобразный диалог с этой песней; она цитируется в произведениях А.Ф. Писемского, Д.В. Григоровича, Н.С. Лескова, Ф.К. Сологуба, рисующих картины народного быта [4].

У Параша для долгой жизни в памяти культуры было все необходимое: молодость, талант, жизнь, похожая на сказку; ранняя смерть. Параша была любима и награждаема при жизни (Екатерина, восхищенная ее игрой, пожаловала ей алмазный перстень; Павел подарил ей бриллианты), но еще большую любовь и славу она обрела после смерти. Мы еще встретимся с Парашей, когда перейдем к XX веку.

Теперь о другой знаменитой Прасковье — Параше. В 1804 году всю Россию потряс подвиг простой девушки Прасковьи Лупановой, пришедшей пешком из Сибири, чтобы просить царя помиловать ее ссыльного отца. Александр «простил виновного отца за подвиг детской любви» (Н.А. Полевой), а самой Прасковье пожаловал две тысячи рублей. Скромная девушка удалилась в монастырь, где вскоре (в 1809) и умерла от чахотки. Слава о «Параше-сибирячке» (как окрестила ее молва, сразу выбравшая подходящую форму имени) гремела по всей России

и за ее пределами. Первыми откликнулись французы: в 1806 году вышел роман С. Коттен «Елизавета Л***, или сибирские изгнанники», а в 1815 году — повесть графа Ксавье де Местра «Юная Сибирячка», оказавшая влияние на концовку «Капитанской дочки» [5]. Если у С. Коттен имя заменено на Елизавету, то у Местра, приехавшего в Россию в 1805 году и слышавшего историю от очевидцев в подробностях, героиня сохраняет имя *Параша*. Русские писатели занялись историей Парашы Лупаловой значительно позже.

В целом в начале XIX века имя *Параша* воспринимается как «низкое»: обозначающее крестьянку или служанку. Или просто бедную девушку. Амплитуда авторского отношения к героиням с этим именем — как мы увидим далее — широка: от иронии до глубокого сочувствия.

Героиня стихотворения Д. Веневитинова «Домовой» (1826), вероятно, крестьянка; в основе сюжета — ошибка, обман, метаморфоза. Стихотворение построено в форме диалога «испуганной» Парашы с матерью: «Что ты, Параша, так бледна?» / ”Родная! домовой проклятый / Меня звал нынче у окна. / Весь в черном, как медведь лохматый, / С усами, да какой большой! / Век не выдать тебе такого”. / “Перекрестися, ангел мой! / Тебе ли видеть домового?”... / “Параша! ты не весела; / Опять всю ночь ты прострадала”. / “Нет, ничего: я ночь спала”. / “Как ночь спала! ты тосковала, / Ходила, отпирала дверь; / Ты, верно, испугалась снова?” / “Нет, нет, родимая, поверь! / Я не видала домового”».

Как скоро узнала Параша, кто реально скрывается под видом домового, и как долго она разыгрывала испуг, — остается решать читателю. Ситуация «Параша и домовой» очень напоминает коллизию «Домика в Коломне» «Параша и кухарка».

У Пушкина имя Параша встречается многократно и в разных контекстах.

В «Графе Нулине» дан классический образ комедийной Парашы-служанки: «Наталья Павловна раздета; / Стоит Параша перед ней. / Друзья мои, Параша эта / Наперсница ее затей; / Шьет, моет, вести переносит, / Изношенных капотов просит, / Порою с барином шалит, / Порой на барина кричит / И жлет пред барыней отважно. / Теперь она толкует важно / О графе, о делах его, / Не пропускает ничего...». Служанка Параша, шалющая с барином и явно имеющая над ним власть, — это отдаленный, комедийно сниженный отголосок реальных событий из жизни Парашы Жемчужовой, по воспоминаниям приобретшей неограниченное влияние на графа задолго до официального бракосочетания.

А вот Параша в «Домике в Коломне» уже не служанка, не крестьянка; это образованная барышня: «...Читала сочиненья Эмина. / Играть умела также на гитаре, / И пела: “стонет сизый голубок” / И “выду ль я...” и то, что уж постаре...». Для Пушкина выбор имени героя всегда определенный знак. Имя *Параша* — с одной стороны, продолжение введения

в поэзию «простых» имен, которые Пушкин очень любил; *Параша* следует за *Татьяной*. А с другой стороны, «повышение» имени (включение его носительницы в поэму в качестве героини) — продолжение традиции XVIII века, где имя *Параша* было поэтически полноправно. Не случайно так подробно рассказано о ее круге чтения и репертуаре: Параша воспитана на культуре XVIII века (не исключено, что среди песен, исполняемых ею, была и песня «Вечор поздно из лесочку...»). Пушкин определяет Парашу быстрым, легким (тоже под стать XVIII в.) словом *красотка* (именно так обращается барин к Параше в песне): «Параша (так звалась красотка наша) / Умела мыть и гладить, шить и плести; / Всем домом правила одна Параша; / Поручено ей было счеты вести, / При ней варилась гречневая каша...». Рифма «*Параша — каша*» — тоже из XVIII века.

В беловой рукописи уже упоминавшегося нами стихотворения «Белокрурая Параша...» Державин сделал шутивное примечание к 3–4 стихам: «Во угождение тех моих приятелей, кои недовольны бывают небогатыми рифмами, должно бы написать: “Как румяна бела каша / С майским, сладким молоком”. Но как я боялся, чтоб на очень сладкую мою Парашу мухи не садились, то и не употребил сей богатой рифмы» [6]. Державин не ввел в беловой вариант эту рифму, а Пушкин ввел. Параша генетически связана с XVIII веком: она быстра, сообразительна, естественна, обладает чарами, которым невозможно противостоять: «Косыночка крест-накрест иль узлом, / На тонкой шее восковые бусы — / Наряд простой; но пред ее окном / Все ж ездил гвардейцы черноусы, / И девушка прельщать умела их / Без помощи нарядов дорогих...». История с переодеванием, устроенная ею, — тоже в духе комедии XVIII века.

Параша из «Медного всадника» дает новое направление развитию семантики имени. Эту линию можно назвать *бедная Параша*. Она живет с матерью, бедной вдовой, как и героиня «Домика в Коломне». Наверное, она весела, расторопна, деловита, как и ее тезка: не случайно Евгений мечтает: «Параше / Препоручу семейство наше И воспитание ребят...». В каком-то смысле это идеальная героиня; мы не знаем ни одного ее недостатка, потому что ее не увидим. Не случайно она определена словом *мечта* («...его Параша / Его мечта...»). С первого упоминания она связана с разлукой («И что с Парашей будет он / Дни на два, на три разлучен...») и смертью («И внуки нас похоронят...»). Но разлучен он, как оказалось, навечно. Параша «Медного всадника» вносит в значение имени коннотации несбывшихся надежд, ранней смерти, вмешательства рока.

С легкой руки Пушкина имя начинает употребляться в поэмах, где получает новые функции: часто *Параша* заменяет какое-то другое имя и таким образом попадает в ряд условно-поэтических имен (таких как *Темира*, *Пленира* и т.д.).

В поэме М.Ю. Лермонтова «Сашка» Параша, заменяя имя *Варюша*, смягчает боль от воспоминаний: «Она звалась Варюшею. Но я / Желал бы ей другое дать название: / Скажу ль, при этом имени, друзья, / В груди моей шипит воспоминанье, / Как под ногой прижатая змея ... / Итак, для избежанья зла, мы нашу / Варюшу здесь перекрестим в Парашу...».

У И.С. Тургенева в поэме «Параша» (1843) замена объяснена неблагозвучностью имени *Прасковья*: «Ее Прасковьей звали; имя это / Не хорошо... но я — я назову / Ее Парашей...». Вышедшей замуж героине автор снова меняет имя: «Как ручеек извилистый, но плавный, / Катилась жизнь Прасковьи Николавны...», что не может не напомнить о переменах имени «старушки» Лариной, о которых шла речь в статье о Полине [7]. Поэма Тургенева насквозь пронизана пушкинскими реминисценциями; вероятно, что имя *Параша* тоже выбрано вослед Пушкину [8].

В стихотворении Тургенева «Федя» снова встречаем и имя *Параша*, и многочисленные переключки с Пушкиным: «“Живы ли братья? Родная жива ли? / Наша изба всё цела, не сгорела? / Правда ль, Параша, / в Москве, мне сказали/Наши ребята, — постом овдовела?” / — “Дом ваш как был — словно полная чаша, / Братья все живы, родная здорова, / Умер сосед — овдовела Параша, / Да через месяц пошла за другого”». Пушкинская ситуация здесь как бы вывернута: все беды оставлены в сослагательном наклонении, в вопросах; а домик цел, старушка мать жива-здорова; правда, сама Параша на время превращается во вдову, но со вступлением в новый брак благополучие восстанавливается.

В быту форма *Параша* в XIX веке считалась низкой: так звали прислугу. Была горничная с этим именем и у Пушкина: «Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь ...». В романе М.Н. Загоскина «Искушитель» (1838) эта закономерность закрепляется как топос: «...француз начинает скучать и от нечего делать волочится за Парашею, горничной девишкою Софьи...».

Горничная Параша превращается в тип, которому Тургенев придумал ироническое название. «Вечер провел у некой мадам Виноградской, в которую когда-то был влюблен Пушкин...Мне она показала полувыцветшую постель, изображающую ее в 28 лет — беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке... немного смахивает на русскую горничную а-ля Параша. На месте Пушкина я бы не писал ей стихов...» (Полине Виардо, 3/15 февраля 1864). Снова переименование. *Мадам Виноградская* — это Анна Петровна, бывшая Керн. Уже в названии женщины по фамилии нового мужа сквозит ирония; а придуманный им словесный ярлык *а-ля-Параша* повышает градус иронии еще больше.

В 1840-е годы, когда в моду вошли сочинения, «воспевающие патриархальную простоту и нравственную чистоту героев из третьего сословия» (Н.А. Некрасов), русская литература вспомнила о Параше

Лупаловой. 17 января 1840 года в Александринском театре Санкт-Петербурга в бенефис В.Н. Асенковой была поставлена пьеса Н.А. Полевого «Параша Сибирячка. Русская была в 2-х действиях с эпилогом». В том же году по ее мотивам была написана одноименная опера Д.Ю. Струйского (отметим игру совпадений: Параша Жемчугова исполняла оперные арии; Параша Лупалова стала героиней оперы). А.Н. Островский героине пьесы «Горячее сердце» (1868) дал имя *Параша*.

В поэзии XX века можно найти как минимум два сюжета, связанных с Парашей.

Сюжет первый связан с продолжением истории Параша Жемчуговой и А. Ахматовой. В 1913 году в Петербурге была поставлена пьеса Ю. Беляева «Псиша» о судьбе русской крепостной актрисы Лизы Огоньковой, прообразом которой стала Параша. «Вам, прекрасные незнакомки, счастливые Параша..., вашим подвигам, страданиям и успехам наши удивление – наши удивление и наша любовь», – такими словами открывается пьеса [9]. Это единственное встреченное нами употребление имени во множественном числе. Параша уникальна – но и типична.

Псиша, Психея как антонимические замены *Параша* станут устойчивыми именами для сыгравшей эту роль Ольги Судейкиной, внучки крепостного крестьянина, «деревенской девки», превратившейся в «Колмбину десятых годов» (А. Ахматова). А Ольга – ближайшая подруга Ахматовой: «...ты один из моих двойников». Если Ольга – двойник Ахматовой, а Психея-Параша – двойник Ольги, то Параша оказывается двойником и самой Ахматовой: «Ты ли, Путаница-Психея, / Черно-белым веером вея, / Наклоняешься надо мной, / Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной...». Сколько здесь «залетейских теней»? Только ли Ольги Судейкиной, уже действительно «миновавшей Лету» к моменту написания этих строк (хотя Ахматова об этом еще не знала)? Или еще и Параша? Дальнейшие строки посвящения практически диктуют ответ: «Сплю – / мне снится молодость наша, / Та, его миновавшая чаша...». Рифма *чаша-наша* ведет за собой третью – «Параша»: «Что бормочешь ты, полночь наша? / Все равно умерла Параша, / Молодая хозяйка дворца...». Не забудем, что написана «Поэма без героя» в Фонтанном доме, где более 25 лет жила Ахматова и где в 1803 году умерла Параша. Вспоминая, что послужило первым толчком для рождения «Поэмы без героя», Ахматова записала: «В дело вмешался и сам Фонтанный Дом... Белый (зеркальный) зал, где пела сама Параша для Павла I...» [10].

В символической системе Ахматовой Параша – это молодость; и самой Параша (она и просто молода в момент своей смерти, и молода как хозяйка дворца: венчание ее с графом состоялось совсем недавно), и Ахматовой, и Ольги Судейкиной. Кроме молодости, с именем *Параша* для Ахматовой неразрывно связаны любовь, искусство, смерть. Судьба

Параши – один из кодов поэмы, из ключей к ее чтению. Параша – через ближайшую подругу, через Фонтанный дом – оказывается навсегда связанной с Ахматовой.

И судьба дала этому эффектное подтверждение. Еще при жизни Параша по ее желанию в Москве был заложен Странноприимный дом, достроенный графом Шереметевым в память о жене. С 1923 года это Институт им. Н.В. Склифосовского. Именно там прощались с Ахматовой, умершей 5 марта 1966 года. Со свода купола с фрески Доменико Скотти смотрела Параша, изображенная в виде ангела с бубном. А после отпевания в Успенском соборе Петербурга (том самом, где в песне венчается Параша!) траурный кортеж по просьбе Л.Н. Гумилева нарушает запланированный маршрут и сворачивает к Фонтанному дому.

Сюжет, связанный с именем *Параша*, есть и у И. Бродского. В 1968 году он пишет стихотворение: «Весы качнулись. Молвить не греша, / ты спятила от жадности, Параша. / Такое что-то на душу, спеша / разбогатеть, взяла из ералаша, / что тотчас поплыла моя душа / наверх, как незагруженная чаша... / Параша, равновесию вредит/не только ненормальный аппетит, / но самое стремленье к равновесью... / Параша, ты отныне далека. / Возносит тяготение к прелюбам. / И так как мне мешают облака, / рукой дындып сложимши перед клювом, / не покажу вам с другом кулака / и ангелов своих не покажу вам. / Прощай, Параша! Выключив часы / здесь наверху, как истинный сиделец / я забываю все твои красоты, / которым я отныне не владелец, / и зрю вблизи полнотные Весы, / под коими родился наш младенец».

По мнению А.М. Ранчина, здесь налицо «самоидентификация лирического героя с Евгением – женихом несчастной Параша из поэмы “Медный Всадник”» [11]. Но «несчастливым» лирический герой выглядит из-за того, что «спятившая от жадности» Параша покинула его с «другом». В «Медном всаднике» причина расставания совсем иная. На наш взгляд, здесь скорее можно найти параллели с деловитой, циничной, балованной Парашей из «Графа Нулина» или домовитой героиней «Домика в Коломне». Бродский, как и Пушкин, был очень внимателен к выбору имен; и генезис имени *Параша* в стихотворении заслуживает отдельного рассмотрения.

Именем *Параша* поэт обозначает свою «роковую женщину» (Марину Басманову), продолжая традицию замены реального, слишком большого, имени условным (см. выше о поэме Лермонтова). Замену имени мы отмечали и в поэме Тургенева, с которой есть и просто текстуальные совпадения в последней строфе: во-первых, одинаковая первая фраза «Прощай, Параша!»; во-вторых, вынесенное в рифму слово *часы*. Отмеченные параллели требуют дополнительного анализа; но в литературе о Бродском связь с поэмой Тургенева до сих пор не отмечалась. Отметим

и астрологическую точность: сын Бродского и Басмановой действительно родился под созвездием Весов – 8 октября.

Бродский, видимо, на сегодняшний день последний русский поэт, продолживший идущую от XVIII века традицию употребления формы *Параша* в стихах, во всем ее семантическом разнообразии.

В целом эта форма имени имеет сегодня скорее отрицательную популярность ввиду созвучия с низким предметом. И хотя любительские стихи, посвященные Параше Жемчуговой, изредка появляются в интернетном пространстве, вряд ли в ближайшее время имя войдет в моду в жизни и поэзии.

Литература

1. *Довгий О.Л.* Прасковья // Русская речь. 2016. № 5.
2. Поэты из народа. Избранные стихотворения русских народных поэтов / Сост. К.А. Хренов. М., 1902. С. 7–8.
3. *Кузмин А.И.* У истоков русского театра. М., 1984. С. 60.
4. *Медриш Д.Н.* «Песня Параша» и повесть о барышне-крестьянке // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М., 1997. Вып. IV. С. 38–50.
5. *Тахо-Годи М.А.* «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 2. Владикавказ.
6. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота. В 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 3. С. 737.
7. *Довгий О.Л.* Полина // Русская речь. 2017. № 1.
8. *Бельская А.А.* Поэтоним «Параша» у А.С. Пушкина и И.С. Тургенева // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 147–152.
9. *Беляев Юрий.* Псиша. Пьеса в 4-х действиях с прологом. СПб., 1914. С. 13.
10. *Демидова Алла.* Ахматовские зеркала. Электронный ресурс. Код доступа: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/demidova-ahmatovskie-zerkala/ahmatovskie-zerkala-2.htm>. Свободный.
11. *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. М., 2001.

МГУ им. М.В. Ломоносова